

DOI 10.31250/2618-8600-2022-3(17)-6-32

УДК 323.1

А. В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Т. С. Киссер

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9246-2787
E-mail: tkisser@bk.ru

**Коренные малочисленные народы: ракурсы
и статусы**

АННОТАЦИЯ. Краткий экскурс в тематику «коренного народа» показывает, что некоренных народов не бывает; они обязательно где-нибудь и в чем-то коренные. Смысл исследования этой темы состоит не в поиске универсальных терминов и определений, а в обеспечении жизнедеятельности и жизнеспособности коренных народов (сообществ, групп, представителей коренного населения). Унификация понятий создает удобства для правовой сферы, однако вызывает затруднения в изменчивых жизненных реалиях, при обновлении обстоятельств или действующих лиц (например, при росте числа горожан или роли высоких технологий относительно установок на традиции). Как бы то ни было, в отношении рассматриваемых понятий важную роль играет избрание ракурса, для которого опорными можно считать позиции: (1) территориальность, (2) численность, (3) статус. Коренные малочисленные народы — особая категория населения, наделенная, помимо общих для всех прав и возможностей, миссией сохранения этнокультурного многообразия человечества как его важнейшего достояния. Именно эти количественно небольшие сообщества играют ведущую роль в продвижении идей и ценностей этничности, в отстаивании ее значимости для человека и человечества, в инициировании этнокультурных проектов. Благодаря им само понятие «коренной» приобрело актуальность и ныне рассматривается как одно из существенных определений для всех народов. В этом смысле коренные малочисленные народы оказались сегодня «первой скрипкой» в ансамбле поборников сохранения и развития этнокультурного наследия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
коренные малочисленные народы,
территориальность, численность, статус,
этничность, этнокультурное наследие

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Головнёв А. В.,
Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы:
ракурсы и статусы. *Этнография*. 2022. 3 (17):
6–32. doi 10.31250/2618-8600-2022-3(17)-6-32

A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

T. Kisser

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9246-2787
E-mail: tkisser@bk.ru

■ Indigenous Minorities: Perspectives and Statuses

ABSTRACT. A brief excursus into the “indigenous people” subject shows that there are no non-indigenous peoples; they are necessarily indigenous somewhere and somehow. The point of studying this topic is not to find universal terms and definitions but to ensure the viability and sustainability of indigenous peoples (communities, groups, and representatives of the indigenous population). Unified concepts are convenient for the legal sphere. Still, they create difficulties in grasping the dynamic aspects of life when circumstances or actors change, for example, when the urban population expands or high technologies advance notwithstanding the emphasis on tradition. Concerning the notions in question, the choice of conceptual angle plays an important role, for which the following positions are paramount: (1) territoriality, (2) number, and (3) status. Indigenous minorities are a particular category of the population, endowed, in addition to the rights and opportunities common to all, with the mission of preserving the ethnocultural diversity of humankind as its most important heritage. These quantitatively small communities play the leading role in promoting the ideas and values of ethnicity, upholding its significance for humans and humanity, and initiating ethnocultural projects. Thanks to them, the notion of “indigenous” has gained relevance and is now regarded as one of the essential definitions for all peoples. In this sense, indigenous minorities “play first fiddle” today in the ensemble of advocates for the preservation and development of ethnocultural heritage.

KEY WORDS: indigenous small-numbered people; territoriality, status, population, ethnicity, ethnocultural heritage

FOR CITATION: Golovnev A., Kisser T. Indigenous Minorities: Perspectives and Statuses. *Etnografia*. 2022. 3 (17): 6–32. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2022-3 (17)-6-32

В качестве эпиграфа к этой статье можно применить наблюдение: «На планете Земля все народы — коренные», или: «При взгляде с Луны все жители Земли — туземцы».

Из этого наблюдения исходят по меньшей мере две проекции — позитивистская и релятивистская. Первая уравнивает всех жителей планеты в едином статусе землян, вторая показывает, что статус зависит от ракурса. Позитивистский обзор передает картину народонаселения с вариациями адаптации к окружающей среде (как природной, так и социальной), релятивистский взгляд выражает мотив и точку зрения смотрящего. В случае с народами этот взгляд может меняться в широком спектре ракурсов — от этнической традиции, политической стратегии, административных установок и правовых норм до персональных предпочтений лидеров. В релятивистском контексте один и тот же народ может быть коренным и некоренным в зависимости от избранных критериев, от позиции наблюдателя во времени и пространстве.

Для начала следует определиться, в каких значениях и для каких обозначений используется понятие «коренной малочисленный народ» в отечественном и зарубежном дискурсе. Поскольку это словосочетание сложилось относительно недавно и продолжает эволюционировать, мы далеки от замысла установить фиксированные нормы и претендуем лишь на позицию наблюдателя.

О ЗНАЧЕНИЯХ И ОБОЗНАЧЕНИЯХ

Свое знаменитое «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ставшее первым систематическим сводом народоведения, академик И. Г. Георги начинает фразой: «Древние руссы суть коренный России народ» (1799: 1). В сегодняшнем прочтении это звучит как обозначение русских в качестве государствообразующего народа России. Однако Георги видел в руссах не современных ему русских, а древний народ, некогда расселенный от Балтики до Каспия и называвшийся «цымбрами, киммерами, сарматами, готами и гетами»; при Рюрикe «да и прежде» варяги-руссы «уже столько перемешались и породнились со славянами, что напоследок стали составлять один народ». Понятие «коренный» у Георги означает народ, ставший «корнем» Руси и России. Не вдаваясь в увлекательные нюансы раннего народоведения, заметим, что «коренным» в данном случае обозначено качество, задаваемое ракурсом государственности (в сегодняшних терминах политологии или нациестроительства).

В ходе глобальной колонизации обозначилось иное понимание «коренного народа» как относящегося к конкретной земле (др.-греч. *αὐτόχθων*, англ. *autochthon*, рус. *туземец*), природной нише (*native*), связанного с ней происхождением (*aborigine*, от лат. *ab origine* — ‘от

начала') и рождением (*indigenous*, от лат. *indigena* — 'местнорожденный'). Последний термин, известный с XVII в. (для различения индейцев от белых колонистов и их черных рабов) и ныне наиболее распространенный, вошел в международный правовой лексикон в 1930-е годы с принятием Конвенции о найме коренных рабочих (*Recruiting of Indigenous Workers Convention*, No 50, 1936) и Конвенции о трудовых договорах коренных рабочих (*Contracts of Employment Indigenous Workers Convention*, No 64, 1939) Международной организации труда (МОТ). В те годы колониальная система была еще в расцвете сил, и понятие «коренные рабочие» (*indigenous workers*) обозначало «рабочих, относящихся или приравненных к коренному населению зависимых или домашних территорий» стран — участниц МОТ.

Слово *indigenous* (коренной, 'местнорожденный') относится к не-европейцам — жителям колоний и государств, созданных пришлыми мигрантами (США, Канада и др.). Синонимами служат понятия «aborigen» и «автохтон», также относимые к местным уроженцам, но не к вынужденным мигрантам, вывезенным на новые земли в качестве рабов или рабочих. Есть особенности употребления этого термина в разных регионах и странах: при общей популярности слова *indigenous* могут использоваться выражения *natives*, *first nations*, *first peoples*, *hunter-gatherers*, *ethnic minorities*, *hill tribes*, *adivasi* и т. д. (Tomei 2005).

Международная организация труда, выступившая в 1930-е годы инициатором дискурса о коренных народах, продолжила его в 1950-е. По существу, именно МОТ стала ареной обсуждения и регламентации прав коренного населения планеты. В 1957 г. была принята (в 1959 г. вступила в силу) Конвенция МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». Незадолго до принятия конвенции, в июне 1957 г., Генеральная конференция МОТ в Женеве выразила озабоченность недостаточной интегрированностью коренного населения в общегосударственное (национальное) сообщество, затрудняющей применение прав и возможностей, доступных другим группам населения. При избыточности интегративных интонаций Конвенция МОТ № 107 впервые обозначила на международном правовом уровне понятие «коренной» (*indigenous, tribal and semi-tribal*) (ст. 1), относимое к:

- а) членам популяций, ведущим племенной и полуплеменной образ жизни (*members of tribal and semi-tribal populations*) в независимых странах и находящимся на менее высокой социально-экономической стадии развития, чем остальные группы национального сообщества, и чей статус регулируется полностью или частично их собственными обычаями, традициями или специальным законодательством;

- б) членам популяций, ведущим племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах и рассматриваемым как коренные ввиду учета их происхождения от жителей, населявших страну или географическую область, частью которой является эта страна, во времена ее завоевания или колонизации, и независимо от своего правового статуса ведущим образ жизни, более соответствующий социально-экономическому и культурному строю тех времен, чем строю страны, к которой они относятся.

Из текста следует, что МОТ определила коренное население как (а) стадияльно недостаточно развитое, (б) живущее по своим обычаям, (в) обитавшее на данной территории до ее завоевания или колонизации. В последующих статьях Конвенция разворачивает спектр мер и средств для интеграции коренного (кочевого и полукочевого) населения в «национальное сообщество».

В 1989 г. была принята (в 1991 г. вступила в силу) Конвенция МОТ № 169 «О коренных и племенных народах в независимых странах», заменившая Конвенцию № 107 1957 г.¹ Новая конвенция, отражая произошедшие за треть столетия изменения в отношении к коренному населению, была адресована не «членам популяций», а «народам» (peoples) и далее в тексте использовала понятие «соответствующие народы» (the peoples concerned), а не «соответствующие популяции» (the populations concerned), как в предыдущей конвенции. Итак, эта конвенция распространялась на:

- а) народы, ведущие племенной образ жизни (tribal peoples) в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и чей статус регулируется полностью или частично их собственными обычаями, традициями или специальным законодательством;
- б) народы в независимых странах, рассматриваемые как коренные ввиду учета их происхождения от жителей, населявших страну или географическую область, частью которой является эта страна, в период ее завоевания или колонизации или установления существующих государственных границ, и независимо от своего правового статуса сохраняющие некоторые или

¹ Конвенцию МОТ № 107 ратифицировали 28 стран, Конвенцию МОТ № 169 — 23, в период с 1990 по 2018 г. в такой последовательности: Норвегия, Мексика, Колумбия, Боливия, Коста-Рика, Парагвай, Перу, Гондурас, Дания, Гватемала, Нидерланды, Фиджи, Эквадор, Аргентина, Венесуэла, Доминиканская Республика, Бразилия, Испания, Непал, Чили, Никарагуа, Центральноафриканская Республика, Люксембург.

все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

Не исключено, что поправки в терминах и тоне конвенции связаны с влиянием достигших в послевоенные годы пика популярности в западной антропологии концепций релятивизма (М. Herskovits и др.) и мультилинейного эволюционизма (J. Steward и др.) с их вниманием к ценностям и правам разных народов независимо от «уровня развития». Во всяком случае заметен, помимо смены опорных терминов — «популяций» на «народы», — уход от эволюционистской «стадиальности», от акцента на «племенном и полуплеменном» образе жизни и привязки культурных традиций к доколониальному периоду. Из позиций, выделенных применительно к Конвенции № 107, в Конвенции № 169 была (а) устранена «стадиальность», (б) усилена «самобытность» и (в) сохранена «автохтонность».

Конвенция МОТ № 169 остается единственным открытым для ратификации юридически обязывающим международным документом, посвященным исключительно правам коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни (Larsen, Gillbert 2020). Кстати, по-английски эти народы называются *indigenous and tribal peoples* (букв. ‘местнорожденные и племенные народы’), что указывает на остаточную их категоризацию по архаичной эволюционистской шкале «дикость–варварство–цивилизация» или по актуальной шкале «четырёх миров».

Помимо МОТ и под влиянием МОТ роль площадки по обсуждению и регулированию статуса коренных народов приняла на себя ООН. В 1972 г. (вскоре после принятия Конвенции МОТ № 107) специальный докладчик Мартинес Кобо предложил определение: «Коренное население состоит из нынешних потомков народов, которые проживали на нынешней территории всей или части какой-либо страны в момент, когда на нее прибыли из других частей мира лица другой культуры и этнического происхождения, которые покорили их и поставили в зависимое и колониальное положение путем завоевания, колонизации и других средств; в настоящее время эти народы живут более в соответствии с их особыми обычаями и социальными, экономическими и культурными традициями, чем с институтами страны, частью которой они являются, при государственной структуре, которая основывается главным образом на национальных, социальных и культурных особенностях других господствующих слоев населения»².

Пятнадцать лет спустя, в 1986 г., определение приобрело несколько иной вид: «Коренное(й) население (народ) — это коренные общины, народности и нации, сохраняющие историческую преемственность

² ООН, документ E/CN.4/Sub.2/L/566 от 29 июня 1972 г.

с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличающимися от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народа в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами»³.

Поиск универсального определения «коренного народа» осложняется множеством частных случаев, которые важны для отдельных народов, но избыточны при обобщении. В этом смысле предпочтительнее выглядят краткие определения, выражающие (или обнажающие) суть понятия, например: коренные народы — люди, исторически проживавшие на данной территории до прибытия народов с иной культурой, языком или этнической принадлежностью (Das 2001: 291); в широком смысле они являются потомками людей, населявших данную территорию до прихода других народов (Анауа 2004: 3); понятие «коренной» относится к уроженцам, местным жителям страны или территории в противоположность прибывшим поселенцам (Понкин 2008).

В чем-то права экс-председатель Рабочей группы по коренным народам Эрика Даес, заметившая, что «коренные народы пострадали от определений, навязанных им посторонними». Бангладеш воздержалась в ходе голосования на Генеральной ассамблее ООН 13 сентября 2007 г. по Декларации о правах коренных народов, объяснив свою позицию отсутствием в тексте определения термина «коренные народы». В последнее время все более широкое признание приобрел критерий самоидентификации как выражение права на самоопределение коренных народов (Декларация 2013: 6–9).

К концу XX в. коренные народы стали официально признанной частью мирового сообщества, что подчеркнуто объявлением ООН в 1994 г. Десятилетия коренных народов мира (продленного в 2004 г.) и установлением Генассамблеей ООН в 1995 г. международного дня коренных народов — 9 августа (в этот день в 1992 г. состоялось первое заседание Рабочей группы по коренным народам подкомиссии по укреплению и защите прав человека ООН), с комментарием: «В этот Международный день коренных народов мира мы отдаем должное богатству коренных народов и особому вкладу, который они вносят в семью народов мира».

С той поры и до сего дня ООН выступает наиболее авторитетной международной площадкой, на которой ведется обсуждение всего спектра

³ ООН, документ E/CN.4/Sub.2/1986/7 add.4, пункт 379.

проблем коренных народов. В 1982 г. в ее структуре была сформирована Рабочая группа по коренным народам (The Working Group on Indigenous Populations, WGIP), которая являлась главным вспомогательным органом Комиссии ООН по правам человека. Эта группа обладала мандатом на рассмотрение событий, касающихся укрепления и защиты прав человека и основных свобод коренных народов, а также изучение эволюции международных стандартов, затрагивающих права коренных народов. В 2008 г. эта Рабочая группа была заменена Экспертным механизмом по правам коренных народов (Expert Mechanism on the Rights of Indigenous Peoples). В настоящее время центральным координирующим органом ООН по проблемам и правам коренных народов является Постоянный форум ООН по вопросам коренного населения (United Nations Permanent Forum on Indigenous Issues) (Декларация 2013: 143; Мосолова, Бондарев, Хыкин 2021: 53).

СССР не ратифицировал конвенции МОТ, начиная с самых ранних (1930-х гг.), поскольку отказался признать себя страной-колонизатором, а входящие в него народы — состоящими в колониальной зависимости: советская идеология строилась не на колониальной иерархии, и на презумпции равенства народов; соответственно Советский Союз позиционировал себя как многонациональное сообщество народов, проживающих на своей исторической родине. Он дистанцировался как от царской России, в которой этнические меньшинства назывались «инородцами», так и от европейских стран-колонизаторов. Согласно официальной советской идеологии, царская Россия была «тюрьмой народов», а СССР — «братством народов» или «семьей народов».

До революции окраинное нерусское население Российской империи называлось *инородцами*, *иноверцами*, *туземцами*, *ясачными*. В первые десятилетия советской власти были в ходу обозначения *туземцы* (для управления которыми создавались *тузсоветы*) и *нацмены* (национальные меньшинства). Одновременно в Советском Союзе использовалось определение *малые народы* и *малые народности*. Оно вошло в обиход в середине 1920-х применительно к народам Севера, которые, по мнению власти, находились на стадии родо-племенных отношений и нуждались в преодолении культурной отсталости (Сергеев 1955). В 1924 г. при Президиуме ВЦИК был создан Комитет содействия народностям Севера для приобщения их к советскому строительству (Скачко 1934). Вся советская эпоха была полна мер по реализации, с одной стороны, идеалов интернационализма, с другой — патерналистской национальной политики, в рамках которой «народы Севера рассматривались главным образом как объект особой заботы, но не как субъект права» (Кряжков 2010: 24).

Российская Федерация, как и СССР, не ратифицировала международные конвенции о коренных народах, предпочитая им

собственные правовые установки, хотя многие положения, например, Конвенции МОТ № 169 в том или ином виде отражены в ее законодательстве. Проблемной остается регламентация прав данных народов на земли, природные ресурсы и приоритетное природопользование, на компенсации, на участие КМН в принятии решений, затрагивающих их права и интересы; «есть трудности, связанные с признанием традиционных ценностей, институтов и обычного права». По опыту неоднократных попыток ратификации сложилась позиция: «Россия способна успешно решать проблемы коренных малочисленных народов и без ратификации конвенции» (Кряжков, Гарипов 2019: 53, 56).

В постсоветской России обозначение «малые народы» было заменено на «коренные малочисленные народы» (КМН), применяемое ныне в официальной риторике и законодательстве. Так, статья 69 Конституции гласит: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». 1990-е годы можно назвать периодом «индигенного правотворчества», когда в России были приняты три ключевых закона: № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» от 30 апреля 1999 г., который закрепил статус коренных народов и стимулировал создание новых специальных федеральных законов такого рода; № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», принятый в 2000 г.; № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», принятый в 2001 г. (Магомедов 2019: 47).

Определение «коренной народ» проблематично в связи с разнообразием обозначаемых им групп, ситуаций и контекстов. Этот концепт реализуется по меньшей мере в трех плоскостях: (1) аналитическое и операциональное определения вырабатываются преимущественно для научного анализа; (2) правовое и статусное содержание определяет взаимодействие КМН со структурами власти разного уровня; (3) самоидентификация оказывается важнейшей сферой определения КМН (Куропятник 2002: 164).

Смысл терминотворчества состоит не в поиске универсальных терминов и определений, а в обеспечении жизнедеятельности и жизнеспособности коренных народов (сообществ, групп, представителей коренного населения). Унификация понятий создает удобства для правовой сферы, однако вызывает затруднения в изменчивых жизненных реалиях, при обновлении обстоятельств или действующих лиц (например, при росте числа горожан или роли высоких технологий относительно установок на традиции). Как бы то ни было, в отношении рассматриваемых понятий важную роль играет избрание ракурса, для которого опорными можно считать позиции: (1) территориальность, (2) численность, (3) статус.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ

Известна метафора: язык — душа, территория — тело народа (Головнёв 1995: 71). Впрочем, баланс в соотношении «души и тела» со временем меняется. В свое время один из основоположников народоведения Г. Ф. Миллер настаивал:

Различие, изображающее точное свойство народов, не состоит во нравах и обычаях, в пище и промысле, ниже в образе богослужения; ибо все сие может разным народам быть общим...; единственный же и необманчивый знак есть язык, который буде где сходен, там нет разности в народах, а где оный отменен, там никакого союза между ими полагать не можно. Язык показывает нам происхождение народов (Миллер 1773: 2–3).

В эпоху становления этнографии фокус на языке был неизбежен при описании «открываемых» народов. Актуален он и сегодня, когда едва ли не каждый разговор об этнической самобытности начинается с темы сохранения или возрождения языка. И все же ныне в определении самобытности коренных народов превалирует «телесная» территориальность.

На волне бума этничности после коллапса СССР хантыйский писатель и общественный деятель Еремей Айпин писал о земле:

Кончилась земля предков — и кончился наш род... Все те, кого оторвали от земли, от традиционных промыслов, от своих поселений на местах охоты и рыбной ловли и привезли в укрупненные поселки, в основном спились, а со временем утратили и материальную, и духовную культуру своего народа... В искусственной среде обитания — в городе ли, в промышленном ли поселке, оторванных от земли, с напрочь обрубленными корнями, вдребезги разбитыми нравственными устоями, сохранить народ невозможно... Мой старый отец, проходя мимо порушенного святилища, каждый раз шепчет как молитву: «О Боги, отнимите мою землю от нефти! О боги, отдайте мою землю в мои руки!..»... «Что тебе нужно, отец? — спрашиваю я своего старика. — Чем тебе помочь?» «Ничего мне не нужно, — отвечает он. — Дайте мне только землю. Дайте землю, где я мог бы пасти оленей, промышлять зверя и птицу, ловить рыбу. Дайте землю, где бы моих оленей не загрызли бродячие собаки, где бы мои промысловые тропы не вытаптывали браконьеры, не уродовали машины. Нужна земля, где бы неприкосновенными оставались мой дом, святилище и место вечного покоя. Дайте мне не чью-нибудь, а мою землю. Хотя бы клочок земли моей, хотя бы пятак земли моей...» (Айпин 1994: 17, 20, 22, 34).

Е. Д. Айпин считал, что Конвенцию МОТ № 169 российские власти не ратифицировали именно из-за статьи 14, которая начинается со

слов: «За [коренными] народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают»⁴. К его просьбам ратифицировать конвенцию политики оставались глухи и отмахивались: «Повремени... Потерпите... Не до вас!». «Почему?! В чем дело?! Что так не нравится правителям и политикам в Конвенции № 169?! Вернее всего, статья 14» (Айпин 1994: 65).

Выдающийся общественный деятель, многолетний лидер сообщества коренных народов России С. Н. Харючи уделяет особое внимание праву на землю. В его трактовке «право малочисленных народов на землю имеет решающее системообразующее значение для реализации ими права на самоопределение и выбор форм самоуправления, то есть является необходимой составляющей сохранения их как самостоятельных этнических общностей, развития родного языка, сохранения культуры, решения острых социальных проблем». Кроме того, «право малочисленных народов на землю — это способ рационального использования природных богатств и защиты экологической системы в целом» (Харючи 2004: 23).

В России и во всем мире с давних пор и поныне вопрос о земле — основной в измерениях мировоззрения, экономики, геополитики и этничности. Это, если угодно, коренной вопрос. В том числе и прежде всего для коренных народов. Трудно не согласиться с утверждением: коренной народ без родной земли — это уже не коренной народ (Абашидзе, Ананидзе 1997: 46).

Во всех культурах земля обладает не только телесностью, но и духовностью — ее обожествляют и окутывают легендами, и лишь «цивилизованный мир» достиг компетенции продавать, менять, трансформировать, утилизировать, опустошать и совершать прочие рациональные действия с землей. Традиционным народам сполна свойственны характеристики, относящиеся к локальным культурам с их тонченной экологической адаптацией.

Локальная культура осваивает биоресурсы, «возделывает» конкретную эконишу. Ей присущи бережное отношение к границам дома, селения, культ родного края с его озерами, рощами, духами, мифами. Для локальных культур собирателей, промысловиков и земледельцев разных областей мира характерны насыщенность экологической сферы, детальность знаний и обстоятельность практик природопользования. Например, у индейцев агуаруна в Амазонии обнаружено 690 названий различных растений, подразделяемых на семьи или классы, напоминающие научную ботаническую таксономию; собиратели Австралии различали

⁴ Конвенция МОТ № 107 (1957 г.) тоже признавала за коренными народами право коллективной и индивидуальной собственности на находящуюся в их владении землю (ст. 11), однако допускала перемещение их с земель, если того требуют интересы национальной безопасности или национального экономического развития (ст. 12.1); при этом предполагалась компенсация в виде других земель, по качеству адекватных исконным землям (ст. 12.2).

до 240 видов растений, 93 вида моллюсков и 23 вида рыб, пригодных в пищу. У обских хантов выявлено свыше 200 вариантов заборного лова рыбы, не считая множества других способов сетевого, неводного, калыданного, острогового промысла. Каждый из этих вариантов рыболовства предполагает знание «поведения воды», особенностей хода и повадок рыбы (ее отдельных видов), рельефа дна водоемов и т. д. Локальная культура плотно встроена в биоценоз и использует как отдельные звенья экосистемы, так и связи между ними. Она настроена не только на потребление, но и на воспроизводство биоресурсов. На этом основана практика бережливого природопользования — регламентация времени и пространства промысла, сакрализованная этика диалога с природным миром и обычаи раздачи излишков. С этим связаны детальная разработанность и привязка к конкретной местности систем времячисления и топографии. Мифологически локальность выражается в богатстве домашнего и природного пандемониума, наполненного местными духами (домовыми, лешими, водяными, дворовыми, овиными и др.), образами особенных деревьев и урочищ. Отношения местных культовых фигур (часто целых семейств духов) обстоятельно описываются категориями родства. Их природные образы обычно ассоциируются с туземными и туводными зверями, птицами и рыбами. Локальность характеризуется обилием и актуальностью женских мифологических образов — от лесных ведьм и царевен-лягушек до многоликой богини матери-земли (Головнёв 2012а: 280–281).

Многим коренным народам свойственна сильная привязанность к земле. Например, аборигены Австралии считают, что земля вокруг них населена духами предков и добыча полезных ископаемых может причинить им боль. Земля для коренных народов — священное, живое существо. Поэтому отношение к земле как к товару, который может быть использован, а затем брошен, считается у них страшным преступлением, заслуживающим проклятия (Коренное население 1990: 34–35). Коренные народы, которые имеют тесную связь с определенной территорией на протяжении многих поколений, обладают устойчивой культурной самобытностью и способностью к самоуправлению (Kingsbury 1998: 414). В целом отличительной характеристикой коренных народов можно считать «исторически взлелеянную территориальную идентичность» (Tagil 1995: 53).

Декларация ООН о правах коренных народов, принятая Генеральной ассамблеей 13 сентября 2007 г., подразумевает, что «земля имеет основополагающее значение для жизни и культуры коренных народов во всем мире. Их право на земли, территории и природные ресурсы является одним из ключевых требований международного движения коренных народов и организаций во всех частях мира» (Декларация 2013: 33). Согласно ст. 26, «коренные народы имеют право на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, которыми они традиционно занимали или иным образом использовали или приобрели». В случае

утраты земли «коренные народы имеют право на возмещение при помощи средств, которые могут включать в себя реституцию или, когда это не представляется возможным, в виде справедливой компенсации за земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели или которые они иным образом занимали или использовали и которые были конфискованы, отчуждены, заняты, использованы или которым был нанесен ущерб без их свободного, предварительного и осознанного согласия» (ст. 28); «такая компенсация предоставляется в форме земель, территорий и ресурсов, равноценных по своему качеству, размеру и юридическому статусу, или в виде денежной компенсации или другого соответствующего возмещения». Кроме того, «коренные народы имеют право определять приоритеты и разрабатывать стратегии освоения или использования своих земель или территорий и других ресурсов» (ст. 32).

Российская действительность, как, впрочем, и большинство ситуаций за рубежом, не позволяет в идеальной форме реализовать эти принципы. Отсюда и дистанцирование России от официального признания этих норм, хотя их влияние очевидно, например, в ФЗ 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», в котором речь идет об «особо охраняемых территориях, образованных для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Отмечается проблема маргинализации коренных народов, вызванной особенностями традиционной хозяйственной деятельности и их физической изоляцией от остального населения. Речь идет о кочевых или полукочевых народах, жителях отдаленных районов тайги, пустынь, гор, тундр (Иванова, Горбунов, Молчанов 2014: 20). Это же обстоятельство способствует более полному контролю таких территорий со стороны коренных жителей. При сравнении российских норм с Конвенцией МОТ № 169 видно, что «российское законодательство не признает за коренными малочисленными народами права собственности и владения на земли, но закрепляет их право на безвозмездное срочное пользование землей и на пользование землей на правах аренды (платно, что вряд ли справедливо). Таким образом данное право трактуется с позиций обычных имущественных отношений, а не с позиций публичного права, производного от признания факта проживания данных народов на соответствующих землях с незапамятных времен» (Кряжков, Гарипов 2019: 60).

ЧИСЛЕННОСТЬ

В эпоху социализма в ходу были категории «социалистические нации» и «социалистические народности», различия между которыми

некоторые авторы (А. Агаев, М. В. Куличенко, И. П. Цамерян и др.) видели в количественных характеристиках: народы численностью до 100 тыс. чел. считались народностями, свыше — нациями. Как отметил В. Г. Бабаков, «при такой примитивной градации не учитывалось огромное разнообразие этнической структуры общества, внутренней композиции и архитектоники этносов, их места и роли в функционировании всей системы национальных отношений» (Бабаков 1993: 10). Столь же условным представляется и порог численности в 50 тысяч для «малочисленного» народа, установленный на заре советской власти в СССР.

Индексы малочисленности и многочисленности применительно к народам, в том числе коренным, весьма относительны, если не сказать произвольны. В Боливии и Гватемале коренные народы составляют большинство народонаселения стран, а в Бразилии и Финляндии — менее одной десятой процента (Коренное население 1990: 36). Меньшая (северная) часть азербайджанцев проживает в Азербайджане, а большая (южная) — в Иране; при этом та, что меньше, образует большинство и титульный народ в Азербайджане, а та, что больше, — национальное меньшинство в Иране (Экзексов 2017: 132). Понятно, что эти расклады зависят от избранных политиками ракурсов и критериев. В Африке распространено убеждение (с которым трудно не согласиться), что вообще все африканские народы являются коренными (Декларация 2013: 7).

В современных российских нормативно-правовых актах и научном дискурсе используется понятие «коренные малочисленные народы», к которым относятся «народы, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (ст. 1 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», принятого Государственной Думой 16 апреля 1999 г.). Применение критериев территориальности и порога численности имплицитно соединяет в одном понятии качества, присущие коренным народам и меньшинствам. Следует особо отметить, что количественный критерий (ограничение численности) известен только в советской (русской) традиции (Ткаченко, Корюхина 1995: 132).

Нам неоднократно доводилось бить тревогу по поводу лимита численности в отношении коренных народов Севера (Головнёв 2008: 14, 15; 2012б: 8, 9). «Размер» коренного народа в России до сих пор формально ограничен 50 тыс. человек, вследствие чего живущие на Севере ненцы обладают этим статусом, а коми и саха (якуты) его лишены (кстати, коми признаны коренным народом Европы по версии ООН). Однако и ненцам — крупнейшему из коренных малочисленных народов Российского Севера — уготован вскоре бюрократический сюрприз: за

успехи в демографии им грозит утрата статуса КМНС; динамика их популяционного роста (29 тыс. в 1979 г., 34 тыс. в 1989 г., 41 тыс. в 2002 г., более 48 тыс. в 2010 г., на грани превышения 50 тыс. в 2021 г.) неизбежно ведет их к «перебору»: «одно неосторожное движение» — и статуса нет. Возможно, ненцы уже сейчас перевалили заветный рубеж, но скрывают это, как скрывали в советское время численность своих оленей. Именно ненцам ввиду их предстоящего перехода в «новую весовую категорию» суждено сойтись в поединке с застарелым бюрократическим штампом. Вероятно, в тяжбе с *dura lex* им составят компанию кавказские абазины, численность которых в РФ (свыше 43 тыс.) тоже приближается к заветной черте.

Числовое ограничение делает двусмысленным и положение саамов, число которых в России (около 2 тыс.) соответствует статусу коренного народа, а общая численность в Фенноскандии и России (около 57 тыс.) выходит за обозначенные рамки. Сходная ситуация с эвенками, которых в начале XXI в. было далеко за 60 тысяч (свыше 35 тыс. в России, 30 тыс. в Китае, 3 тыс. в Монголии).

СТАТУС

Официальный список (перечень) коренных народов или популяций является на сегодняшний день основанием для идентификации. Такие списки есть и в отдельных государствах, и в межгосударственных организациях. Например, по версии ООН коренными народами Европы считаются баски, ирландцы, лужичане (венды), албанцы, саамы, ненцы, коми, крымские татары, караимы, крымчаки (последние три — из списка коренных народов Украины). Африка и Океания в основном представлены коренным населением — пленяющим воображение многообразием народов; исключение в Австронезии составляют Австралия, Новая Зеландия и Гавайи, где пришельцы-мигранты численно преобладают, а коренные жители собирательно называются аборигенами, «первыми нациями» или «первыми народами». В Индонезии международные организации насчитывают *de facto* до 70 млн коренных меньшинств, тогда как *de jure* правительство Индонезии сочло неприменимым концепт коренных народов и, таким образом, официально не признало эти народы. Сходным образом поступило правительство Бангладеш, решив, что в его юрисдикции коренных народов попросту нет. По общей статистике, коренного населения на планете насчитывается около 370 млн в 70 независимых странах, а число коренных народов и этнических групп превышает 5 тысяч (Tomei 2005: 1).

В Российской империи списки «туземцев-инородцев» были составлены по категориям «бродячие», «кочевые», «оседлые» в ходе разработки и реализации Устава об управлении инородцев 1822 г.; статус регламентировал самоуправление, суд и подати. Советская власть в 1925 г., накануне

Приполярной переписи оленеводческих, охотничьих и других промысловых хозяйств (1926–1927), сформировала список из 26 «малых народов Севера», не менявшийся в течение всего советского 70-летия. Получившим особый статус «малым народам» в ходе «ускоренного социального развития» предстояло в обозримые сроки достичь равенства с остальным населением СССР. Несмотря на утопичность замысла, покровительственная политика государства сыграла свою роль в сохранении традиционного образа жизни и промысловых территорий коренных северян (Соколова, Степанов 2007: 79).

В самом начале века Правительство РФ приняло Постановление «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (№ 255 от 24 марта 2000 г.). Этот перечень открыт и время от времени обновляется: постановлениями № 760 от 13 октября 2008 г., № 352 от 18 мая 2010 г., № 453 от 17 июня 2010 г., № 669 от 2 сентября 2010 г., № 1145 от 26 декабря 2011 г., № 880 от 25 августа 2015 г., № 2356 от 18 декабря 2021. В начале века в перечень входили 40 народов, ныне — 47 (в том числе 40 северных) общей численностью около 316 тыс. человек (в 2015 г.).

Российская Федерация как суверенное государство самостоятельно определяет конкретные группы народов, требующих особой государственной поддержки с позиций международных стандартов, а также их наименование. Включение или невключение сообществ в перечень коренных малочисленных народов находится на усмотрении органов государственной власти. Например, в статусе коренных народов было отказано коми-ижемцам и поморам, поскольку они не являются обособленными этносами (Кряжков, Гарипов 2019: 53, 56).

Права коренных малочисленных народов России закреплены в ФЗ от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных и малочисленных народов РФ», который ориентирован на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, самобытности, хозяйствования и промыслов коренных народов. В число основных прав КМН входят:

- безвозмездное использование в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов земель различных категорий, необходимых для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности и занятий традиционными промыслами, и общераспространенных полезных ископаемых в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации;
- получение от органов государственной власти материальных и финансовых средства, необходимых для социально-экономического и культурного развития КМН, защиты их исконной

среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов;

- возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами;
- получение от государства помощи для реформирования всех форм воспитания и обучения подрастающего поколения малочисленных народов с учетом традиционных образа жизни и хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Для реализации этих прав на индивидуальном уровне 7 мая 2020 г. в России был введен механизм учета коренных малочисленных народов — реестр, разработанный Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН). К формированию реестра подключена и Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНСС и ДВ РФ). В основу формирования реестра КМН положен заявительный принцип. Попросту говоря, он обеспечит представителям коренного населения возможность пользоваться всеми правами КМН, один раз «доказав» свою национальную принадлежность и зарегистрировавшись в реестре. В прошлом отсутствие учетной политики, единого порядка документального подтверждения делало из коренных народов «браконьеров», создавало условия для создания «лжеобщин» и т. д.

На сегодняшний день более 70 тысяч представителей КМН РФ подали заявления на включение их в единый список коренных народов России, при этом почти треть уже внесена в федеральный реестр. «Мы можем сказать, что уже сейчас решен вопрос, который стоял очень остро и очень актуально всего несколько лет назад, с отнесением граждан из числа коренных малочисленных народов [к этим народам], с подтверждением их национальной принадлежности. Список действует, работает, сейчас к нам поступило чуть более 70 тысяч заявлений, из них 24,5 тысячи граждан внесены в список», — подвела промежуточный итог статс-секретарь ФАДН Анна Котова⁵. Среди северных регионов по числу поданных заявлений лидирует Ямал; в феврале 2022 г. подали заявления 87% проживающих в округе представителей КМНС (26 855 человек)⁶.

«ПОДСЛУШАНО В РОССИИ»

Сегодня дискуссия о самоопределении и статусе коренных малочисленных народов ведется не только в научном сообществе, но и среди

⁵ Более 70 тыс. россиян подали заявления в федеральный список коренных народов // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14872671> (дата обращения: 01.08.2022).

⁶ Семь лет ФАДН России // Национальный акцент. URL: <https://nazaccent.ru/content/37995-sem-let.html> (дата обращения: 01.08.2022).

самих представителей этих народов. Площадкой для таких обсуждений чаще всего выступает киберпространство (социальные сети, чаты, форумы, группы). Чтобы оценить настроения и получить актуальный срез мнений, мы провели серию кибермониторингов среди коренных народов, для чего были разработаны три киберанкеты: (1) экспертная анкета для лидеров КМН; (2) общая анкета для представителей КМН об идентичности, этнопроектах и лидерах (предварительные результаты см.: Головнёв, Киссер 2021); (3) блиц-опрос о статусе и критериях КМН. Первая рассчитана на развернутые ответы-размышления, вторая и третья — на кратко выраженные свои позиции. Роль исследователей в создании этого свода информации ограничивается формулировкой вопросов и представлением ответов. Экспертная анкета в октябре 2020 г. была разослана через социальные сети и электронную почту лидерам КМН. В декабре 2020 г. через социальные сети была запущена общая киберанкета для представителей КМН РФ. В августе 2022 г. был проведен блиц-опрос. На сегодняшний день получено более 50 экспертных эссе, 500 общих анкет и 150 ответов на блиц-опрос.

Прежде всего несколько слов об участниках блиц-опроса. Из 150 заполненных блиц-анкет оказались ответы представителей 22 из 47 КМН, в числе которых (по алфавиту): абазины — 11, бесермяне — 4, вепсы — 7, долганы — 10, кеты — 2, кумандинцы — 1, манси — 2, нагайбаки — 9, нанайцы — 2, нганасаны — 2, ненцы — 34, нивхи — 1, саамы — 1, теленгиты — 4, тувинцы — 1, удэгейцы — 4, ульчи — 2, ханты — 25, чукчи — 1, эвенки — 5, эвены — 1, юкагиры — 1. Кроме них, в опросе приняли участие представители народов, не входящих в официальный перечень КМН, но стремящиеся в него попасть, ассоциирующих себя с ключевыми характеристиками КМН или понятием «коренной». Среди них: карелы — 7, коми — 4, кряшены — 2, кубачины — 1, поморы — 1, русские — 3, якуты — 2. Стоит отметить, что карелы, поморы, кряшены и якуты не первый раз участвуют в наших опросах и активно заявляют свои позиции.

В гендерном измерении женщины оказались почти вдвое активнее мужчин — 99 к 51, что может свидетельствовать как об их большей погруженности в социальные сети, так и о более выразительной этнической позиции. По возрасту участники опроса распределились в следующие группы: до 18 лет — 2; от 18 до 35 — 25; от 35 до 45 — 58; от 45 до 60 — 50; от 60 и более — 15. Как видно, самую многочисленную возрастную группу образовали люди в возрасте «зрелой ответственности» (от 45 до 60); в этом смысле общую выборку можно считать преимущественно не ситуативной реакцией, а выражением жизненного опыта.

В нашем обзоре голосов и мнений фокус — на персональных мнениях о том, что есть коренной народ, каковы его статус и характеристики. Ответы на вопрос «Что такое коренной народ?» подтверждают

определение территориальности как опорного ракурса понятия «коренной народ». Связь с территорией чаще всего отмечается как «историческая привязка к месту», «связь с местом рождения и проживания», «родная земля предков».

«Мы, коренной народ, привязаны к родной земле, природе и окружающей среде. Коренной народ — Земля. Коренной народ без родной земли — это не коренной народ» (ханты, жен).

«Историческая привязка к месту. Взаимовлияние: человек–место, место–человек. Влияние места на формирование культуры народа, его образа жизни и след культуры данного народа на данной территории» (вепсы, муж).

«Коренной народ — это люди, что обитали на определенной территории до появления там других представителей народов (переселенцы)» (ханты и манси, муж)

«Коренной народ — это тот, кто условно закрепил ту или иную территорию, развил на этой территории свое хозяйство, культуру, обычаи, язык. Коренной народ приспособился под условия местности, и их уклад жизни полностью зависел суровых условий климата; те, кто селился с коренными рядом, перенимал их образ жизни (полностью или частично), чтобы выжить» (долганы, жен).

«Среди моих прапрапрадедов нет ни одного, чьи кости лежат за пределами родной земли. Вахтовики приедут потопчут эту землю 5–10 лет, ну максимум два поколения, а я в ней останусь покоиться» (ханты, муж).

«Человек, корнями приросший к земле, на которой живет. Это не три-четыре поколения. Это столетия. У этого народа в фольклоре нет упоминаний, что они откуда-то пришли на эту землю, они слагают песни о том, что всегда здесь жили, а их предками в том числе были птицы и звери» (ненцы, жен).

«Моя семья более 7 (известных мне) поколений жила на территории прионежских вепсов. Я знаком со многими обычаями с детства, знаком с языком, то есть являюсь носителем культуры и памяти о жизни своего рода на данной территории. Я наследник этого рода и вепс» (вепсы, муж).

На вопрос об основном критерии (качестве) при определении статуса «коренной народ» большинство ответили: численность (62 чел.). Далее по рейтингу следуют: традиционный образ жизни — 51, этническая принадлежность (происхождение) — 48, знание языка — 16. Такой расклад, вероятно, связан с остротой вопроса о количественном пороге КМН в 50 тыс.;

в сети разворачивается обсуждение перспектив тех или иных сообществ по достижении этого количественного рубежа; часть участников дискуссии замерла в ожидании результатов переписи 2021 г.

Относительно количественного рубежа для КМН у участников опроса нет единства. Были названы допустимые варианты в 50 тыс., 60 тыс., 70 тыс., 100 тыс. и более. Большинство сходятся во мнении, что показатель может меняться в зависимости от обстоятельств и его основная функция — контрольная.

«Числовой критерий для отождествления с “малочисленным” для народа нужно увеличить. Так считаю и потому, что в целом население планеты увеличилось. Получается, пропорционально должен быть увеличен и числовой критерий для “коренных малочисленных” народов» (ханты, жен).

«Числовой критерий нужен лишь для контроля в случае сокращения численности народа, для принятия решений по его защите в случае уменьшения его численности, но в случае увеличения численности народ не должен быть лишен статуса коренного. На данный момент я считаю цифру в 50 тыс. вполне отвечающей задаче по отслеживанию критического уровня» (абазины, жен).

«Когда-нибудь останется пара человек, относящихся к коренному населению, и что, теперь их не считать коренным народом?» (ульчи, муж).

«Числовой критерий возможно расширить, не все коренные народы входят в данные рамки (саха, буряты, киргизы, тувинцы, хакасы и пр.)» (эвенки, жен).

«Этот показатель может меняться. От того, что этого народа стало 50001 человек, он не стал пришлым этносом» (ханты, жен).

Одним из ключевых был вопрос: «Для чего нужен статус “коренной народ”?». Стремление к отстаиванию или приобретению статуса КМН может мотивироваться заботой как о состоянии народа, так и о персональной выгоде. Большинство ответов выражает акценты на «сохранении традиции и языка», «получении государственных льгот», «традиционном природопользовании», «сохранении и защите исторических земель».

«Статус нужен для сохранения традиций, обычаев, проживания на исконных землях, и чтобы занимались своим традиционным хозяйствованием, и никто не претендовал на их территории» (ненцы, жен).

«Этот статус нужен для того, чтобы получать государственные льготы во всех сферах жизнедеятельности граждан» (ненцы, жен).

«Статус коренного малочисленного народа прежде всего нужен для сохранения этого самого народа, его языка, культуры, а также поддержки со стороны общества и государства» (долганы, муж).

«Статус коренного населения необходим, чтобы сохранить исконные земли, традиции, особенности рациона, иначе мы все превратимся в обычных одинаковых людей без традиций, вер и национальной принадлежности» (ульчи, муж).

«Статус жизненно необходим для коренных народов в первую очередь сохранить свои исторические земли, которые частенько притесняют другие народы, несправедливо опираясь на свою большую численность» (абазины, жен).

«Статус необходим для: 1. Поддержки этнической идентичности коренных народов, включая язык и культуру; 2. Защиты традиционных земель, обеспечивая приоритет традиционного природопользования» (юкагиры, муж)

Как уже отмечено выше, для реализации прав КМН необходимо персонально подтвердить свой статус. Сегодня это возможно через включение в реестр коренных народов. Практика эта новая, многим не до конца понятная (особенно в части организации процедуры в отдаленных районах). На вопрос «Включены ли Вы лично в реестр коренных малочисленных народов?» утвердительно ответили лишь 36 %, тогда как большинство (64 %) — отрицательно. Конечно, наши данные нельзя считать статистически точными, однако общую тенденцию они показывают. В каждом регионе ситуация по-своему нестандартная. Например, на Ямале работу по включению коренного населения в реестр активно вела ассоциация «Ямал потомкам!», как отмечает ее вице-президент Сергей Худи; при этом были организованы пункты подачи заявлений во всех поселках, проводились выезды в тундру, к кочевому населению: «Я проводил работу с людьми, объяснял, что такое реестр, мы в каждом поселке развесили баннеры, плакаты, очень большую работу сделали, особенно в тундре» (ПМА, Ямал, 2022, С. Худи). Ямал был первым регионом, который ввел в практику подачу заявлений через МФЦ, первоначально это было доступно только на Госуслугах. В соседнем Ненецком автономном округе, по замечанию председателя местной ассоциации «Ясавей» и вице-губернатора по делам ненецкого и других коренных народов Юрия Хатанзейского, население менее

активно: «В реестр включаются мало, в основном те, кто хотят что-то получить — рыбалку, охоту, а те, кто ничего не получают, они и не регистрируются. Я даже сам заявление не подал. Надо подать, хотя бы в реестр встать» (ПМА, НАО, 2022, Ю. Хатанзейский).

Большинство сходятся в том, что реестр позволяет снять сложные и часто непреодолимые бюрократические и правовые казусы:

«Реестр дает возможность без всяких справок доказать, что ты ненец или хант, это очень удобно; но тем, кто не ведет кочевой образ жизни, — это не нужно. Если бы были какие-то преференции для городских, то, может быть, мы бы и пошли, и то в большинстве случаев это будут мужчины. Я как мужчина, наверное, подам себя как ненец. Просто из мужского самолюбия» (ненцы, муж).

«Благодаря реестру для меня лично потеряется необходимость собирать каждую подпись на заявлении, сколько я хочу рыбы» (ненцы, муж).

«Включена! В настоящее время включение в реестр ничего не дало. Надеюсь, что в будущем моим детям для подтверждения национальности через родителей пригодится» (ханты, жен).

«Да, включена. Получаю бесплатную квоту на вылов рыбы, бесплатная медицинская помощь, образование» (ненцы, жен).

«Нет. В реестр хотелось бы включиться, но что это даст? Слышала, что легче оформить пенсию. Были времена, когда коренные народы имели льготы по коммунальным услугам, охотники и рыбаки получали ежеквартальную (ежемесячную) фиксированную помощь. В 2000-х годы, если не ошибаюсь, прекратили поддерживать их» (ненцы, жен).

«Документы подавала два раза, но ответа нет. Надеюсь ловить запрещенную рыбу для питания своей семьи, также сбор дикоросов, и в будущем отстоять небольшой участок земли, на котором проживали мои предки и там же похоронены. К сожалению, эти земли отданы в аренду промышленникам и предприятиям. А хотелось бы, чтоб мои потомки могли хоть иногда возвращаться и пожить на земле предков» (ненцы, жен).

Краткий экскурс в тематику «коренного народа» показывает, что многое в ней проговаривается сдержанно, обсуждается однобоко или попросту замалчивается. Это вполне объяснимо, поскольку трудно найти что-либо более чувствительное и уязвимое, чем этничность и этническое

достоинство. Можно сколь угодно долго насмеяться над промахами человека, и он ответит ироничной взаимностью, но стоит неосторожно ущемить его этничность, и вас навсегда разделит скрытая или явная вражда.

Между тем наука о народах предполагает не только деликатность, но и взвешенную открытость. Это относится и к коренным народам, их статусу, ракурсам их изучения. Возвращаясь к эпиграфу этой статьи, заметим еще раз, что некоренных народов не бывает; они обязательно где-нибудь и в чем-то коренные. Есть ли смысл в формализации статуса коренных народов того или иного государства или региона? Действительность уже дала на этот вопрос утвердительный ответ в фактах существования и позиционирования государствообразующих народов, титульных народов и т. д. (за яркими примерами можно обратиться в Израиль, Исландию, Японию, страны Балтии). Другое дело, когда из-за некоей стыдливости, предупредительности или интернациональной идеологии основной (и явно коренной) народ формально не наделен этим статусом — подобная деликатность вполне допустима, если таким статусом не наделяются другие народы в той же стране.

Не менее сложен и деликатен, но столь же актуален сюжет о региональных и локальных статусах коренных жителей. Всякий раз глубина «индигенности» народа может быть предметом дискуссии, поскольку история и праистория полны миграций и этнических метаморфоз. Поэтому категорическое разделение на «коренных и иных» часто — и в практике и, в теории — вносит больше неразберихи и конфликтности, чем конструктива. Еще недавно популярный бинаризм «коренные/пришлые» ныне вызывает больше разлада, чем ясности, тем более что многие «пришлые» уже успели пустить достаточно глубокие корни (три-четыре поколения), чтобы претендовать на звание «укорененных». В современном этнологическом словаре получило прописку понятие «постоянное население», что в правовом контексте звучит внятно, но все же нуждается в дополнительном тестировании, поскольку в благозвучии «коренного и постоянного» есть оттенки не только сочетания, но и противопоставления.

Коренные малочисленные народы — особая категория населения, наделенная, помимо общих для всех прав и возможностей, миссией сохранения этнокультурного многообразия человечества как его важнейшего достояния. Именно эти количественно небольшие сообщества играют ведущую роль в продвижении идей и ценностей этничности, отстаивании ее значимости для человека и человечества, инициировании этнокультурных проектов. Благодаря им само понятие «коренной» приобрело актуальность и ныне рассматривается как одно из существенных определений для всех народов. В этом смысле коренные малочисленные народы

оказались сегодня «первой скрипкой» в ансамбле поборников сохранения и развития этнокультурного наследия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. П. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. М.: Изд-во РУДН, 1997. 224 с.

Айтин Е. Обреченные на гибель. М.: Изд-во «Нефть и газ», 1994. 111 с.

Ананидзе Ф. П. Международно-правовые проблемы определения статуса коренных народов // Вестник РУДН. Сер. «Юридические науки». 2000. № 1. С. 160–170.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

Головнёв А. В. Северность России: фрагменты исторического опыта // Север: арктический вектор социально-экологических исследований / Отв. ред. В. Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С. 5–17.

Головнёв А. В. Локальность и магистральность в пространстве Евразии // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой // Ред. А. А. Никишенков. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 280–293.

Головнёв А. В. Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 61–67.

Головнёв А. В., Киссер Т. С. Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 80–89.

Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Sydney; Geneva: APFNHRI; OUNHCHR, 2013. 154 с.

Иванова Ж. Б., Горбунов С. Н., Молчанов Б. А. Теоретические аспекты исследования проблемы определения понятия «коренной народ» как субъекта гражданских правоотношений // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 16–20.

Коренное население: глобальное стремление к справедливости. Доклад для независимой Комиссии по международным гуманитарным вопросам. М.: Международные отношения, 1990. 248 с.

Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

Кряжков В. А., Гаритов Р. Ш. Конвенция МОТ № 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. 2019. № 9. С. 52–64.

Куропятник М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 161–173.

Магомедов А. К. Индигенность как политическая проблема: к пониманию природы аборигенных интересов в Российской Арктике // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. С. 45–54.

Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших. СПб.: Изд-во К. В. Миллера, 1773. 132 с.

Мосолова Л. М., Бондарев А. В., Хыкин А. В. Концептуализация понятия «коренные народы»: историография, интерпретации // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 50–59.

Понкин И. В. О понятии «коренной народ», а также о понятиях «коренное население» и «коренной житель» // Национальные интересы. 2008. № 4. С. 17–21.

Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. (ТИЭ, н.с. Т. 27). 569 с.

Скачко А. Е. Десять лет работы Комитета Севера // Советский Север. 1934. № 2. С. 9–21.

Соколова З. П., Степанов В. В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75–95.

Соколова Ф. Х. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 51–69.

Ткаченко А. А., Корюхина А. В. К проблеме ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 122–132.

Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: ТГУ, 2004. 360 с.

Экзеквов М. Х. Формирование понятий «национальное меньшинство» и «коренной малочисленный народ» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. Вып. 4 (39). С. 127–142.

Anaya James S. Indigenous Peoples in International Law. 2nd edition. Oxford University Press, 2004.

Das J. K. Human Rights and Indigenous Peoples. New Delhi: S. B. Nangia A.P.H. Publishing Corporation, 2001.

Gaski H. The Sami People: The “White Indians” of Scandinavia // American Indian Culture and Research Journal. 1993. No 17.1. Pp. 115–128.

Kingsbury B. “Indigenous Peoples” in International Law: A Constructivist Approach to the Controversy // American Journal of International Law. 1998. Vol. 92.

Kvist R. The Racist Legacy in Modern Swedish Saami Policy // The Canadian Journal of Native Studies. 1994. T. 14. № 2. С. 203–220.

Larsen P. B., Gillbert J. Indigenous Rights and ILO Convention 169: Learning from the Past and Challenging the Future // The International Journal of Human Rights. 2020. Vol. 24, iss. 2–3. Pp. 83–93.

Tagil S. Ethnic and National Minorities in the Nordic Nation-building Process: Theoretical and Conceptual Premises // Ethnicity and Nation Building in the Nordic World / Ed. by S. Tagil. L.: C. Hurst & Co. Ltd, 1995.

Tomei M. Indigenous and Tribal Peoples: An Ethnic Audit of Selected Poverty Reduction Strategy Papers. Geneva: International Labour Organization, 2005. 70 p.

REFERENCES

Abashidze A.Kh., Ananidze F. R. *Pravovoi status men'shinstv i korennykh narodov: mezhdunarodno-pravovoi analiz* [Legal status, features and phenomena: international legal analysis]. Moscow: Izd-vo RUDN Publ., 1997. (In Russian).

Aipin E. *Obrechnenye na gibel'* [Doomed to die]. Moscow: Izd-vo "Nef't' i gaz" Publ., 1994. (In Russian).

Ananidze F. R. [International legal problems of determining the status of indigenous peoples]. *Vestnik RUDN, ser. Iuridicheskie nauki* [Bulletin of RUDN, ser. Legal Sciences], 2000, no. 1, pp. 160–170. (In Russian).

Anaya James S. *Indigenous Peoples in International Law*. 2nd edition. Oxford University Press, 2004. (In English).

Das J. K. *Human Rights and Indigenous Peoples*. New Delhi: S. B. Nangia A.P.H. Publishing Corporation, 2001. (In English).

Ekzekov M. Kh. [Formation of the concepts of “national minority” and “indigenous people”]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* [Issues of national and federal relations], 2017, no. 4 (39), pp. 127–142. (In Russian).

Gaski H. The Sami People: The “White Indians” of Scandinavia. *American Indian Culture and Research Journal*, 1993, no. 17.1, pp. 115–128. (In English).

Golovnev A. V. *Govoriashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking Cultures: Samoyed and Ugric Traditions]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 1995. (In Russian).

Golovnev A. V. [Northern Russia: Fragments of Historical Experience]. *Sever: arkticheskii vektor sotsial'no-ekologicheskikh issledovaniy* [North: the Arctic vector of socio-ecological research]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAS Publ., 2008, pp. 5–17. (In Russian).

Golovnev A. V. [Locality and backbone in the space of Eurasia]. *Etnokul'turnye protsessy v proshlom i nastoiashchem. K iubileiu doktora istoricheskikh nauk, professora Klavdii Ivanovny Kozlovoi* [Ethnocultural processes in the past and present. To the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Klavdiya Ivanovna Kozlova]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2012, pp. 280–293. (In Russian).

Golovnev A. V. [Ethnocultural potential and polyethnicity (Russian perspective)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2016, no. 4 (42), pp. 61–67. (In Russian).

Golovnev A. V., Kisser T. S. [Projections of the ethnicity of the indigenous peoples of Russia (according to the data of the web survey)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2021, no. 2 (71), pp. 80–89. (In Russian).

Ivanova Zh. B., Gorbunov S. N., Molchanov B. A. [Theoretical aspects of the study of the problem of defining the concept of “indigenous people” as a subject of civil legal relations]. *Iuridicheskaiia nauka* [Legal science], 2014, no. 4, pp. 16–20. (In Russian).

Khariuchi S. N. *Korennyye malochislennyye narody: problemy zakonodatel'stva* [Indigenous peoples: problems of legislation]. Tomsk: TGU Publ., 2004. (In Russian).

Kingsbury B. “Indigenous Peoples” in International Law: A Constructivist Approach to the Controversy. *American Journal of International Law*, 1998, vol. 92. (In English).

Kriazhkov V. A. *Korennye malochislennye narody Severa v rossiiskom prave* [Indigenous peoples of the North in Russian law]. Moscow: Norma Publ., 2010. (In Russian).

Kriazhkov V. A., Garipov R. Sh. [ILO Convention 169 and Russian legislation on indigenous peoples]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2019, no. 9, pp. 52–64. (In Russian).

Kuropiatnik M. S. [From stigma to self-affirmation: the concept of “indigenous people” in modern discourse]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, vol. 5, no. 1, pp. 161–173. (In Russian).

Kvist R. The Racist Legacy in Modern Swedish Saami Policy. *The Canadian Journal of Native Studies*, 1994, vol. 14, no. 2, pp. 203–220. (In English).

Larsen P. B., Gillbert J. Indigenous Rights and ILO Convention 169: Learning from the Past and Challenging the Future. *The International Journal of Human Rights*, 2020, vol. 24, iss. 2–3, pp. 83–93. (In English).

Magomedov A. K. [Indigeneity as a political problem: towards understanding the nature of aboriginal interests in the Russian Arctic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)], 2019, no. 3, pp. 45–54. (In Russian).

Mosolova L. M., Bondarev A. V., Khykin A. V. [Conceptualization of the concept of “indigenous peoples”: historiography, interpretations]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia* [Bulletin of Liberal Education], 2021, no. 4 (24), pp. 50–59. (In Russian).

Ponkin I. V. [On the concept of “indigenous people”, as well as on the concepts of “indigenous population” and “indigenous inhabitant”]. *Natsional'nye interesy* [National interests], 2008, no. 4, pp. 17–21. (In Russian).

Sergeev M. A. *Nekapitalisticheskii put' razvitiia malykh narodov Severa* [Non-capitalist path of development of the small peoples of the North]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. (In Russian).

Skachko A. E. [Ten Years of the Committee of the North]. *Sovetskii Sever* [Soviet North], 1934, no. 2, pp. 9–21. (In Russian).

Sokolova F. Kh. [Indigenous peoples of the Arctic: concept, current state of culture]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 12, pp. 51–69. (In Russian).

Sokolova Z. P., Stepanov V. V. [Indigenous peoples of the North. Population dynamics according to population censuses]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2007, no. 5, pp. 75–95. (In Russian).

Tagil S. Ethnic and National Minorities in the Nordic Nation-building Process: Theoretical and Conceptual Premises. *Ethnicity and Nation Building in the Nordic World*. Ed. by S. Tagil. London: C. Hurst & Co. Ltd, 1995. (In English).

Tkachenko A. A., Koriukhina A. B. [To the problem of ratification by the Russian Federation of the ILO Convention No. 169 “On indigenous peoples and peoples leading a tribal way of life in independent countries”]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 3, pp. 122–132. (In Russian).

Tomei M. *Indigenous and Tribal Peoples: An Ethnic Audit of Selected Poverty Reduction Strategy Papers*. Geneva: International Labour Organization, 2005. (In English).

Submitted: 06.08.2022

Accepted: 25.08.2022

Article published: 01.10.2022